

Рубцова Д.А.

студент

С.А. Есенин атындагы Рязань мамлекеттик университети

Рязань ш.

gjxnf_2017@mail.ru

ПЬЕСАЛАРДАГЫ АЛДАМЧЫНЫН ОБРАЗЫ: А.П. СУМАРОКОВ «АЛДАМЧЫ ДМИТРИЙ» ЖАНА А.Н. ОСТРОВСКИЙ «ДМИТРИЙ АЛДАМЧЫ ЖАНА ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

Аннотация. Макалада алдамчы падышанын образы А.П. Сумароков «Дмитрий пример» жана А.Н. Островскийдин «Дмитрий жана Василий Шуйский». Жалганчынын образынын ар кыл авторлордун жана кылымдардын, ар кыл жанрлардын жана стилдердин чыгармаларында көркөм ишке ашырылышы тарыхый-адабий контекстке, адабий агымдардын өзгөчөлүгүнө жана жазуучулардын чыгармачылык ниетине жараша аныкталат.

Макалада Ксения жана Марина Мнишек менен болгон мамилелериндеги каармандардын ортосундагы айырмачылыктар ачылып, сүйүү сюжеттеринин өнүгүшүндөгү образдарды салыштырып; шылуундардын инсандык сапаттары салыштырылат, баарлашуу сценаларында, каармандардын монологдорунда, аш-тойлордо жана өлүмдөн көрүнүп турат;

Шуйский менен карама-каршы мамилелер көрсөтүлөт, аны алдамчы падышалар атаандаш катары же мугалим катары кабыл алышат; баатырлар башкаруунун ар кандай түрлөрүн ишке ашырган башкаруучу монархтар катары салыштырылат.

Негизги сөздөр: А.П. Сумароков, А.Н. Островский, «Дмитрий анткор», «Дмитрий приказчик жана Василий Шуйский», алдамчынын образы, Жалган Дмитрий И.

Рубцова Д.А.

студент

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

г. Рязань

gjxnf_2017@mail.ru

ОБРАЗ САМОЗВАНЦА В ПЬЕСАХ А.П. СУМАРОВОВА «ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ» И А.Н. ОСТРОВСКОГО «ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

Аннотация. В статье рассматривается образ царя-самозванца на примере пьес А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» и А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Художественное воплощение образа самозванца в произведениях разных авторов и столетий, разных жанров и стилей определяется историко-литературным контекстом, спецификой литературных направлений и творческим замыслом писателей. В статье образы сопоставляются в развитии любовных сюжетных линий, раскрывающих различие героев в отношениях с Ксенией и Мариной Мнишек; сравниваются личностные качества самозванцев, проявляющиеся как в сценах разговоров, монологов персонажей,

пиршеств и смерти; показываются противоречивые отношения с Шуйским, который воспринимается царями-самозванцами либо как соперник, либо как учитель; герои сравниваются как властвующие монархи, которые реализуют разные типы правления.

Ключевые слова: А.П. Сумароков, А.Н. Островский, «Дмитрий Самозванец», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», образ самозванца, Лжедмитрий I.

Rubtsova D.A.

student

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Ryazan c.

gjxnf_2017@mail.ru

THE IMAGE OF AN IMPOSTATOR IN PLAYS A.P. SUMAROKOV "DIMITRY THE IMPOSTER" AND A.N. OSTROVSKY "DIMITRY THE IMPOSTER AND VASILY SHUISKY"

Annotation. The article examines the image of the impostor king using the example of the plays of A.P. Sumarokov "Dimitri the Pretender" and A.N. Ostrovsky "Dmitry the Pretender and Vasily Shuisky." The artistic embodiment of the image of the impostor in the works of different authors and centuries, different genres and styles is determined by the historical and literary context, the specifics of literary movements and the creative intent of the writers.

The article compares the images in the development of love storylines, revealing the differences between the characters in their relationships with Ksenia and Marina Mnishek; the personal qualities of impostors are compared, manifested in scenes of conversations, monologues of characters, feasts and death;

contradictory relations with Shuisky are shown, who is perceived by the impostor kings either as a rival or as a teacher; heroes are compared as ruling monarchs who implement different types of government.

Key words: A.P. Sumarokov, A.N. Ostrovsky, "Dmitry the Pretender", "Dmitry the Pretender and Vasily Shuisky", image of the impostor, False Dmitry I.

Рубеж XVI-XVII веков как один из самых мрачных и таинственных периодов в истории Руси отличается событиями, связанными с падением власти одного монарха или монархии в целом, военными конфликтами и придворными интригами. Прежде всего, эпоха Смуты вызывает исторические ассоциации, связанные с династическим кризисом: конец власти Рюриковичей и переход трона к Борису Годунову, затем Лжедмитрию I, Василию Шуйскому и др. – царствование на российском престоле самозванцев. Особенно примечательна фигура Лжедмитрия I, который, претендуя на царский трон, провозгласил себя сыном Ивана Грозного. Тема самозванства актуальна и в контекстуальном прочтении русской литературы, которая породила немало образов героев, самопровозгласивших себя правителями. Но ярче всего в русской литературе прозвучала эпоха Смутного времени. Описание царя-самозванца на престоле по-разному интерпретируется в произведениях разных эпох, причиной тому рамки литературных направлений, историко-политические подтексты в произведениях, желание авторов отразить собственную точку зрения на историю, тот или иной факт исторической реальности. На примере пьес А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (1774 г.) и

А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866 г.) прочитываются разные трактовки образа Лжедмитрия I. Основным методологическим подходом к анализу пьес Сумарокова и Островского является сравнительно-сопоставительный, сосредоточенный на разборе образно-персонажного ряда разножанровых и разновременных произведений Сумарокова и Островского.

Об образах самозванцев в выше указанных пьесах писали не мало. Следует выделить анализ образа деспотичного самозванца в трагедии «Дмитрий Самозванец» Ю.В. Стенника: «Дмитрий презирает веру и обычаи управляемого им народа, он подвергает преследованию русских бояр, ссылая одних и казня других. Жестокость и своеволие движут поступками Дмитрия» [7]. На абсолютное воплощение зла в образе Лжедмитрия указывает и А.Ю. Соловьев: «Герой, сам себя считающий злодеем, не пытающийся хоть как-то обелить себя в своих глазах и не стремящийся к оправданию другими, приближается к абсолютному воплощению зла» [6]. О соотношении исторического и художественного в пьесе классика XVIII века пишет Е.К. Макаренко, говоря о том, что Сумароков придерживался исторической достоверности характера событий и образов, внося выдуманные обстоятельства, «позволяющие продемонстрировать нравственно-политический урок в разворачивании этого достоверного характера» [2]. В комментариях к пьесе Островского Н.С. Гродской указывал на черновые записи произведения, в которых задумка автора заключалась в создании образа Лжедмитрия «как деятеля, близкого народу»; но позже писатель отказался от задуманного, поэтому «образ Самозванца, вначале несколько идеализированный им, в окончательной редакции обретает подлинно реалистические черты» [1]. О противоречивом характере царя, о его действиях, которые были противоположны русским традициям пишет и А.В. Новиков [4], а Т.В. Москвина рассматривает образ самозванца в пьесе как «воплощение жизни «по свободной воле», которая столкнется с жизнью «по обычаю» [3].

С первых страниц трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец» главный герой дает себе характеристику фразой «злодейская душа спокойна быть не может» в разговоре с наперсником Парменом, который тоже отмечает деспотичные наклонности Дмитрия:

Ты много варварства и зверства сотворил,
Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не виновных,
Против отечества неутолим твой жар,
Прекрасный стал сей град темницею бояр [8, с. 248].

Таким образом, еще в начале пьесы предстает тиран, который осознает свою сущность в полной мере, совершает немало злодеяний, что его не беспокоит, и говорит о царствовании в России как о собственном увеселении:

Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.

Возможно ли отцем мне быти в той стране,
Котора, мя гоня, всего противней мне? [8, с. 250].

Деспотизм царя отмечают и другие персонажи, давая Дмитрию отрицательную характеристику, которая проявляется в обращениях к царю и упоминаниях о нем: «убийца», «злодей», «враг общества», «мучитель», «мерзостный тиран». Связано это, прежде всего, с рамками классицизма, которые диктовали пропорциональное сочетание добра и зла, положительных и отрицательных героев в произведении. И абсолютным носителем зла в пьесе

Сумарокова является самозванец, оттого его образ воссоздан в темных тонах, ему не присуще жалость, милость, любовь. Одной из метких характеристик его правления становится фраза Ксении:

Ты не был жалостью ни на минуте тронут,
Бояря, весь народ и стены града стонут [8, с. 262].

Автор раскрывает героя посредством приема внутреннего монолога. В момент искренности Дмитрий признается, что самолюбив, но при этом страшится себя и собственной тени, «я убийца сей». Он осознает близость конца правления, понимает, что и с религиозной точки зрения он совершает кощунство: «в геенне я и в пламени горю». Но он не способен изменить собственную натуру: «живи, умри тираном». Царь-самозванец, несмотря на тиранию, умен, он быстро разгадывает умысел Шуйского: «все ясно: на моем быть хочешь ты престоле». Методы его правления: страх и казни, – лишь так он может удержаться на троне как преемник Ивана Грозного. У него нет никакого желания помочь народу и боярам, способствовать процветанию страны. Примечательно, что в пьесе задействовано всего 7 лиц, среди которых представители русского общества, нет указаний на наличие польской знати, иных иностранцев в Москве. Таким образом, опуская исторический факт о бесчинствах поляков, их влиянии на самозванца, автор пьесы говорит о виновности в тяготах людей именно Лжедмитрия – деспотичного человека, тирана и мучителя.

Его злодейства распространяются и на любовные отношения: попытка овладеть Ксенией силой, угрозами:

Взяла бы перстень сей в залог моей приязни,
Или б готовилась на место лютой казни [8, с. 263].

Самозванца не беспокоит наличие возлюбленного у дочери Шуйского (по пьесе), он готов убить его и «вечно терзать <...> Ксенину душу». Царь со свойственными ему полномочиями приказывает девушке быть его: «и взавтре будеши навеки ты моя». Но насколько такой царь способен испытывать чувство любви, если он готов убить Ксению как дочь предателя:

Когда они спаслись, так ты умри за них!
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева [8, с. 289].

Обращаясь к тексту, можно найти причину, по которой Дмитрий одержим желанием взять в жены Ксению: она жертва страхов самозванца (лесть Шуйского о твердости престола самозванца и подтверждение отсутствия претензий на престол):

Дмитрий
Что ты передо мной в речах не лицемерен,
В том быти я хочу действительно уверен.
Мой рок любовью всю кровь мою зажег,
Так дай ты Ксению мне дружества залог [8, с. 255].

В таком случае дочь Шуйского стала бы царицей, и в момент свержения с престола Лжедмитрия пострадала бы не меньше. Осознавая возможность заговоров, бунта, Дмитрий в отношениях с Шуйским осторожен, он не верит его речам, пытается увидеть хитрость, поймать на лжи, а если это невозможно, то ищет способы усмирить пыл боярина (пример с Ксенией).

Но несмотря на осторожность, царь-самозванец, предчувствуя свою «кончину», испытывает страх: «объят отчаяньем, и нет путей к надежде», пытаясь овладеть собой говорит

начальнику: «Пойдем!..Повержем!..Стой!..Ступай!..Будь здесь!..<...> Не отступайте прочь и защищайте дверь!..». В финальной сцене гибели Димитрий напуган и пытается защититься, берет Ксению в заложники, готов убить ее, заноса кинжал со словами: «Жди смерти и умри, предшествуй мне ко гробу!», но, будучи окруженным и осознавая безвыходность положения, царь-самозванец кончает жизнь самоубийством. Персонаж был не готов умирать от рук врагов, боялся расправы, и здесь самоубийство выступает как слабость героя, как желание избежать участи страданий, мучений:

Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!

(Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая,
падающий в руки стражей.)

Ах, если бы со мной погибла вся вселенна! [8, с. 292].

Совершенно другой образ царя-самозванца в пьесе Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», который интересен тем, что автор не сгущает краски и даже оправдывает его управление государством мягкостью души: милость вместо казней, безропотное послушание боярам вместо самовольных решений, действия по желаниям вместо обдуманных умозаключений. Так его описывает князь Василий Шуйский:

Душой поляк: как девка, малодушен;

Как малолеток, падок на утехе;

Как скоморох, без разума проворен;

Как пьяный дьяк, болтает без умолка [5, с. 25].

Иные видят самозванца на престоле как царя-марионетку, готового устроить жизнь бояр и народа в рамках свобод и процветания, такая надежда выражается в словах князя Голицына в I части пьесы:

Димитрий, Богом данный,

Видал иные царства и уставы,

Иную жизнь боярства и царей;

Оставит он татарские порядки;

Народу льготы, нам, боярам, вольность

Пожалует; вкруг трона соберет

Блистательный совет вельмож свободных,

А не рабов, трепещущих и льстивых ... [5, с. 35].

С точки зрения Шуйского и его сподвижников на престол «по совету дьяволу на царстве утвердился». Народ и бояре совершенно слепы и не замечают, как царевича расстригой величают. Таким образом, еще до появления самозванца в пьесе, о нем слагаются разного рода мнения: с одной стороны, отмечается его желание привести в порядок страну, где советниками будут вольные бояре, способные озвучить и отстоять собственные предложения по решению проблем, а с другой – уже начавшийся процесс смещения с престола царя-вора, который «антихрист <...> или его предтеча». Впервые персонаж появляется в I части 2 сцены, где сразу по выходу из собора обращается к капитану немецкой роты Маржерету, минуя бояр и ведя разговоры о победах на боевом поприще, велит устроить пиршество на удивление «гостей иноплеменных <...> московским хлебосольством», а народу жалуется по площадям вина поставить. Характеристику дает себе и сам Дмитрий, автор использует прием внутреннего монолога в сцене 3 в Золотой палате. Так герой описывает свои ощущения, оставшись наедине с собственными мыслями: «сиротливо душе моей!», «Я здесь чужой!». Сам внутренний монолог звучит как обращение к Ивану Грозному. Глядя на

расписные своды, Иван IV словно задает вопросы о нахождении этого «безбородого бродяги» в царских палатах, на что Дмитрий дает честный ответ:

Царским сыном
Я назвался не сам; твой бояре
Давно меня царевичем назвали
И, с торжеством и злобным смехом, в Польшу
На береженье отдали [5, с. 49-50].

Из этого же монолога мы узнаем о принципе правления самозванца: «святое право всех владык – прощать и миловать». В образе царя, как оказывается, не заложена склонность к тирании в царских палатах или трагическая жажда крови в статусе правителя. Восходя на престол, Дмитрий обещает прославить Русь и вознести высоко, но это лишь минута, которая из-за страха перед Грозным, вынудила сказать о процветании, это не истинное желание самозванца, это страх и трепет, которые как инструмент власти активно используются, так как эффективны, о чем сам царь-самозванец и говорит: «править вы знаете одно лишь средство – страх». Сам же расстрига противопоставляет этому методу свой – «щедротами и милостью царить». На протяжении всей пьесы самозванец милует заговорщиков (сцена с решением о помиловании Шуйского на лобном месте), осуждающих его лично (сцена с Осиповым, где несмотря на дерзость царю, Дмитрий, рассуждая о казни оскорбившего, принимает решение о его заключении). Царь не придает значения слухам о готовящемся заговоре, он продолжает в течение года пировать, дает полное право своевольничать полякам, отстраняется от советов русских бояр, в особенности воеводы Басманова, который метко охарактеризовал самозванца:

Обидно мне не за себя, бояре!
Он добрый царь, но молод и доверчив;
Играет он короной Мономаха,
И головой своей, и всеми нами [5, с. 65].

Именно Басманов по-отечески старается помочь Дмитрию, направить, указать на ошибки, обезопасить.словно маленький ребенок, прежде не замечавший происходящего вокруг и не слушавший помогавших, прозрел Дмитрий. Но на протяжении всей пьесы царь не внимает речам доброго боярина, лишь в конце, поняв тяжесть своего положения и осознав, что действительно что-то не так, он обращается к нему с поручением:

Голицына и Шуйского без шуму,
Когда пиры мы кончим, посадить
За приставы, всю их родню, знакомых
И близких им! Не подавай и виду:
Пусть думают, что мы не бережемся.
У них в глазах недоброе! [5, с. 142].

В ходе сюжетного развития мы узнаем о любвеобильности царя, он жалеет Ксению, отмечает ее красоту, задается вопросом «полюбит ли», на что Массальский дает краткий и ясный ответ не как расстриге, а как царю: «Вели любить, и разговор короток». Больше о любовной линии с Ксенией упоминаний нет, это единственная вставка, где Дмитрий рассуждает о девушке с неким трепетом. О Марине Мнишек он судит иначе, дает ей характеристику, отличную от русской героини:

В очах огонь, в речах замысловатость!
То ласкою безмерною дарят.
То гордостью нежданною окинут.

Им приказать нельзя, нельзя принудить
 Любить тебя; а долго и прилежно
 Ухаживать тебя они заставят [5, с. 93].

Сам царь пытается прельстить Марину драгоценными подарками, потакает ее желанию короноваться, что против правил на Руси, он не рассуждает о планах Мнишек, готов даже опустошить казну ради ее снисходительности, и венчание происходит в Николин день, что было против устава православной церкви. Диалоги с Мариной Мнишек еще больше подтверждают романтическую натуру царя, а рассуждения о любви и ласке в высказываниях Дмитрия напоминают сцену у фонтанов в произведении А.С. Пушкина «Борис Годунов», где горячо влюбленный самозванец открывается меркантильной Мнишек. Видя холодность и неприступность Марины, царь-самозванец готов «слезами и коленопреклонением молить любви», т.е. задабриванием и вымаливанием любви желает овладеть гордой полячкой.

Говоря о сцене гибели самозванца, стоит сказать, что в душе главного героя не было страха, он говорит Басманову «будем тверды», берет меч и произносит обвинение боярам, которые льстили и убаюкивали царскую настороженность:

Зачем меня на царство допустили
 И дали мне изведать сладость власти,
 Начать дела геройские и славу
 Побед своих заране предвкушать!

<...>

Вы дали львиной силе
 Уснуть у ног небесной красоты! [5, с. 148].

Дмитрия убивают в бреду, все изумлены, что в момент бунта раненый царь грезит боем: «За мной, за мной казаки!. Возьмите их... До цели недалеко. Труба гремит...Ворота Цареграда...». Самозванца убивает дворянин Валуев, а затем его тело несут к народу.

Царь в интерпретации Островского – романтический персонаж, готовый совершать подвиги и военные походы, во время которых чувствует себя нужным. Не зря они с Басмановым связаны именно походами на царство, но разбирательства в паутинах интриг и измен бояр, в бунтах не для романтика, ему скучно и неважно то, что творится в стране, когда он одержим любовью к Ксении, к Мнишек, пытается топить свою скуку в пиршествах, которые обходятся немалыми средствами казне, о чем говорит Басманов, указывая на нерациональную трату средств для подарков польской княжне, ведь их можно было направить на планируемые военные походы. Само произведение Островского словно продолжение восхождения на престол героя А.С. Пушкина, ведь пушкинская трагедия «Борис Годунов» оканчивается чувством Дмитрия Ивановича, а пьеса Островского начинается с момента описания впечатлений Шуйского о встрече с самозванцем в день вхождения в Москву.

Таким образом, проделанная работа позволяет сделать следующие выводы, обнаруживая сходства и различия в образах царей-самозванцев А.П. Сумарокова и А.Н. Островского.

1. В первую очередь заметно влияние литературных направлений. В произведении XVIII века яркое влияние классицизма, в основе которого лежало противопоставление однозначного добра однозначному злу, заключенному в образе Дмитрия. В пьесе XIX века в образе самозванца преобладает романтическая направленность, проявляющаяся в чувствительности, одиночестве, трагизме судьбы героя, в его исключительном стремлении к свободе.

2. Два образа самозванцев также противопоставлены как правители: за героем трагедии «Дмитрий Самозванец» - страх, мучения и казни, за героем пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» - милость, щедроты и ласка. Оба типа правления, представленные столь не похожими друг на друга образами, не дали никакого результата, в одном случае тирания погубила царя, а в другом – излишняя вольность привела к хаосу и недовольству народа и бояр.

3. В обеих пьесах при создании образов героев используются приемы самохарактеристики и характеристики другими персонажами из их окружения, используется форма внутреннего диалога.

4. Характерный для драматургии тех лет прием испытания любовью показывает, что, будучи тиранами на троне, оба героя являются и тиранами в любви, в жизни частной. При этом в проявлениях любви и желаний владеть девушкой цари-самозванцы так же обращаются к разным приемам: Дмитрий угрожает, готовый лишить возлюбленную свободы и жизни, а Дмитрий задабривает, потворствует желаниям возлюбленной, готов слезно умолять ее быть рядом.

5. Своеобразны отношения и с главным заговорщиком в пьесах – героем-антиподом – Василием Шуйским. В пьесе Сумарокова самозванец сразу же разгадывает желания боярина, а герой Островского внимает советам Шуйского как учителю и лишь по завершении сюжетного действия догадывается о грядущей развязке.

6. Финальные сцены смерти героев-самозванцев также разнятся: в пьесе XVIII века — это самоубийство, а в произведении XIX века – убийство. Герои и умирают по-разному: Дмитрий трепещет, боится, пытается найти выход, думая убить Ксению; Дмитрий же, наоборот, готов бороться с заговорщиками, берет меч, до последнего, находясь в бреду, дает воинственные распоряжения ближнему окружению.

Список литературы:

1. *Гродской Н.С.* Примечания // Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский – Собрание сочинений – Т. 5 – М: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С. 515-525.
2. *Макаренко Е.К.* Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «эпохи смутного времени» в литературе конца XVIII в. (трагедия А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец») // Культура и текст. – 2011. – №12. – С. 195-203.
3. *Москвина Т.В.* В спорах о России: А.Н. Островский – Спб.: Лимбус Пресс, 2009. – 310 с.
4. *Новиков А.В.* Образ русского царя в исторической хронике А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2014 – №2
5. *Островский А.Н.* Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский – Собрание сочинений – Т. 5 – М: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 550 с.
6. *Соловьев А.Ю.* О конфликте в трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец» // [XVIII век. А.П. Сумароков и русская литература его времени](#) – РАН, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). – Санкт-Петербург, 2020. – Сб. 30. – С. 83-101.
7. *Стенник Ю.В.* Сумароков-драматург: // Сумароков А.П. Драматические сочинения – Л., 1990. – С. 3-29.
8. *Сумароков А.П.* Драматические сочинения – Л.: Искусство, 1990. – 479 с.

Рецензент: доктор филологических наук Решетова А.А.